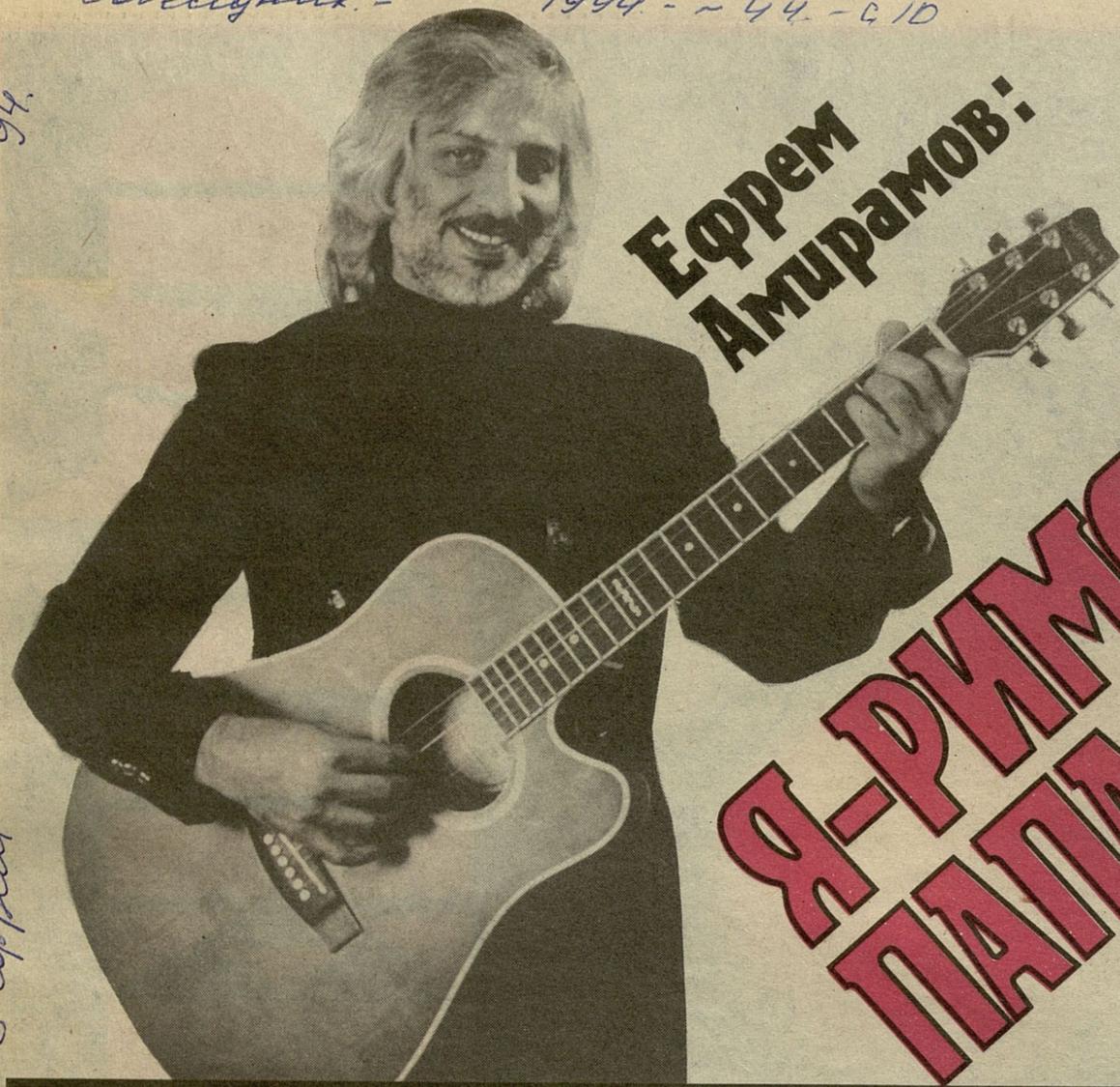

94.

Ефрем
Амирамов!Я - РИМСКИЙ
ПАПА

Амирамов Ефрем

Я не люблю беглых вне зависимости от национальности. Потому что возвращаются они как бы пророками. И учат как бы нас, дураков, жить. Но научиться здесь жить можно, только живя здесь. И по этой собственной логике я не люблю беглых.

Но следователь сказал, что мир от таких людей, как Ефрем, надо избавлять. Уже не сможет, потому что, избавив мир от Амирамова, он не избавит мир от его песен. Миллионным тиражом вышел диск-двойник на «Апрелевке», выпущены 5 альбомов на кассетах, на фирме «Союз» выйдет шестой. Попробуй избавь, гражданин начальник.

— Откуда в таком возрасте приходят в музыку?

— Возраст, конечно, «трагический» — 38 лет. При попытке поступить во ВГИК оказался на финансово-экономическом факультете Ростовского института народного хозяйства. И пять лет работал в Министерстве финансов Кабардино-Балкарии экономистом. При попытке в 21 год издать книгу стихов получил отрицательную рецензию профессора, преподавателя балкарского языка, который плохо говорил по-русски, но на рецензию, видимо, знаний хватило. Мол, не это нам надо.

— А что было надо?

— Помните такие иронические строчки: «Нас манят трактора в колхозные поля. В колхозные поля нас манят трактора»? Оставался один путь — сцена, куда я попал совершенно случайно. Мой первый альбом назывался «Последний дебют». Дебют ведь всегда последний. Но имелся в виду первый и последний альбом. Я его писал для себя. Для дома, для семьи — знаете такие бытовые штуки. Мать мне всегда говорила: «У всех дети как дети, а ты все со своими стишками...» А мой отец в довоенное время был первым балетмейстером Государственного ансамбля песни и пляски Карачаево-Черкесии. Первую семью моего отца немцы живьем закопали в колоде за селом Богдановка Ставропольского края. Вот тогда он перестал танцевать. Он хорошо знал Утесова. Он всегда мне говорил: «Если ты что-то из себя представляешь, не ходи и не навязывайся. К тебе сами придут и скажут, что ты нужен». И пусть у меня это слишком поздно получилось, но я дождался: ко мне пришли.

— «И из потерянного поколения я в сегодняшний день убежал?»

— Жизнь пропадает тогда, когда начинаешь кому-то что-то доказывать. А здесь один театр предложил записать музыку для спектакля. Дали для записи трех песен 4 дня, за которые мы записали 16. И через полгода я оказался в хит-параде ленинградской «Смены». И продержался там 9 месяцев.

— Очень символичный срок.

— Потом за 25 тысяч снял два клипа — это были страшные деньги. Потом одному человеку понес «Молодую», а он мне: «Иди ты со своей песней... в цыганский табор». И я запел сам. С этого и началась моя трагедия.

— Почему трагедия? Если никогда не поздно начать, то никогда не поздно и бросить.

— Мазохизм...

— Это уже по-русски. По-моему, только

русский народ страдает и любит страдать.

— Я же тоже русский народ, пусть и не русской национальности. Я более русский, чем те, кто ко мне в зал приходит. А если нет мысли, то какая разница, на каком языке сформулировано ее отсутствие?

— Но как получилось, что музыка взяла верх над экономистом?

— У меня не музыка взяла верх. Песня — цельная вещь, а не стихи и музыка. Когда один пишет музыку, другой — текст, а третий пытается пропустить это через мясорубку собственной души — это лицемерие. — Как вы обходите без спонсоров, ведь без них ни один артист сейчас не проживет?

— Благодаря вам я знаю теперь, почему у меня нет спонсоров — я не артист. Я просто пишу песни и, так как их никто не поет, пою их сам.

— Вы не артист, не финансист, тогда кто вы сейчас?

— Папа римский. Я — Ефрем Амирамов, который если хочет — выходит на сцену, а не хочет — не выходит. Заработал — гуляю, пока деньги не кончатся, и т. д. Во всяком случае, группа моя довольна. Работаем всегда вживую — не от пафоса, а потому, что в «фанеру» не попадаем. За месяц у нас бывает от 5 до 15 концертов. Мне нравится, что на них зрители плачут и не бегут сразу в гардероб.

— Что может случиться свыше, что заставит вас замолчать?

— Уже случилось — год ничего не пишу. Может, это никому не надо, и прежде всего мне. Я еще выпущу два альбома, потому что песни для них у меня есть.

— И что потом?

— Даст Бог, может, подарит опять мне песни. Они же как рождаются? В три ночи поругались с женой. Даже подрались. Пошел на кухню и за двадцать минут написал «Молодую». Каждая песня — она же как подарок...

— ...судьбы за побитую физиономию. Может, чаще с женой надо драться?

— Ну нет, каждой песне нужен свой повод. Вот была собака, ее сбила машина. После смерти я написал 10 песен, не о ней, конечно. А потом будет еще одна большая вещь, не опера — ну, в общем, там будет много музыки.

— Из того, что происходит на сцене, что вас удручает?

— Я никогда не подвергаю анализу чужое творчество. Мне до этого нет дела. Я могу только сказать, что обожаю Градского, Розенбаума, старого Макаревича.

— Чего вам в жизни не хватает?

— Смотря как относиться к жизни. Бывает — кактус на окне, стакан воды на столе и женщина красивая рядом. И все в порядке, и больше ничего не надо. А бывает как в песне: «И денег остался последний мешок, и счастья все нету и нету». Все зависит от твоего состояния в настоящий момент.

— Какие строчки самые любимые и определяют все?

— «Жизнь деля на радости и горести, и вспоминая, что творилось встарь, прости врагу продуманные подлости. Он — человек, а значит, Божья тварь». Это не то, что любимое, а то, что я считаю правильным.

— Так это же Закон Божий!

— Я не приемлю веру как средство утешения: человек должен быть хорошим только потому, что за это ему воздастся. А если Бога нет, то можно оставаться дерьмом? Так получается?

— Значит, вы неверующий?

— Я верую. В то, что не допущу тех действий, за которые может покарать Бог. Бог есть. Не дай Бог, если его нет, но это не основание для размышления: быть человеком или нет.

— Врагам вы прощаете согласно своей заповеди?

— У меня их нет. Враг — в тебе самом, твоя цель. Завидовать кому-то — значит согласиться, что ты неполноценен.

— Что сейчас тогда правит миром, если мир таков?

— Вот именно: не кто, а что. Как экономист я могу сказать, что 85-й год можно вернуть завтра, если для кого-то это критерий благополучия. А если для кого-то критерий — достаток американцев, то этого можно достичь за два года. Просто

это невыгодно. Те, кто у власти, знают, что скоро все потеряют, и они пытаются урвать как можно больше. Тех, кто власть потерял, устраивает сегодняшнее положение, чтобы сказать: «Вот видите!» На концерте мне зрители как-то сказали: мы все — за Жириновского. Да, человек он энергичный и далеко не дурак, но в моем восприятии мира он на стороне зла. И я спросил людей: «Если вам предложат тюрьму, где будут сытно кормить и хорошо охранять, неужели вы пойдете?» И когда они ответили «да», я подумал, что человеку надо позволить жить там, где он хочет и как он хочет. Тот, кто хочет жить в тюрьме, тот должен там жить. Надо создать ему эту тюрьму. И если это критерий их счастья — будьте счастливы! Я люблю свободу, какой бы она ни была.

— Говорят, от тюрьмы да сумы не уйти.

— Я не уберегся.

— То есть?

— У меня две судимости. 17 лет назад сел за руль братишкиной машины, ну и... У меня сохранился приговор: «Е. Амирамов, не имея водительских прав, сел за руль машины, принадлежащей Амирамову Якову, снес 15 метров забора и врезался в дерево, в результате чего последнему нанесены тяжкие телесные повреждения, опасные для жизни».

— Дереву?!

— За «дерево» дали три года условно, а я человек недисциплинированный, поэтому пришлось отсидеть. Второй раз посадили через пять месяцев после освобождения — за то, что имел судимость. Такое бывает. Следователь, который мной занимался, сказал, что его задача — избавить мир от таких людей, как я. И что он сделает для этого все возможное.

— А следователь слушает теперь ваши песни?

— Да. Говорит, что не ожидал. Я ему простил.

— За полезную школу для жизни?

— Во всяком случае, она заставляет человека быть таким, какой он есть. Хотя я сначала думал, что жизнь кончилась. Второй раз следствие шло год и четыре месяца. Это время я просидел в одной камере, где жили одновременно от 9 до 14 человек. Спали даже на столе. На всех было 6 матрацев и 2 подушки. В избытке были только вши, жирные такие. Снимаешь трико — и треск стоит. Воспитание у меня было почти светское, я считался маменькиным сыночком. Первое время из-за этих вшей спать даже не мог.

— Как легко привыкнуть не то что к грязи...

— К дерьму. Вот то, что делает сейчас наше правительство. Приучили же. Что касается сумы, то перед первой «посадкой» я должен был большие деньги, и дома порой нечего было есть. Я посылал жену к соседям: «Только не бери 20 копеек — неудобно. Возьми хотя бы рубль». Сумой вроде бы не назовешь...

— Да сума, чего уж там... Выходит, далеко не самая лучшая жизнь позади?

— Почему? Представляете, кем бы я был, если бы остался тем Ефремом, которым был. Я бы стал таким изысканным дерьмом. Знаете, такое, вроде ничего, не пахнет, и пока не вляпался, не поймешь, куда попал. Так что жизнь была замечательная.

Про замечательную жизнь пыталась Людмила ДРУЖИНИНА.

